

Информация для цитирования:

Ожигова М. М. Религиозно-философское и антропологическое измерение диалога М. Горького и И. Канта (на материале текста «Мужик» М. Горького) / М. М. Ожигова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 305—323. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-305-323.

Ozhigova, M. M. (2024). Religious-Philosophical and Anthropological Dimensions of Dialogue between Maxim Gorky and Immanuel Kant: A Study of Gorky's Text "The Peasant". *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 305-323. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-305-323. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Религиозно-философское и антропологическое измерение диалога М. Горького и И. Канта (на материале текста «Мужик» М. Горького)

Ожигова Мария Михайловна ^{1,2}

orcid.org/0000-0002-9631-0446

кандидат филологических наук,

¹преподаватель кафедры
теории литературы;

²младший научный сотрудник
ozhigova13.m@gmail.com

¹Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

²Институт мировой литературы
им. А. М. Горького
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Благодарности:

Работа выполнена при финансовой
поддержке Российского научного фонда,
проект № 23-28-00421

«М. Горький в кругу искусств»

Religious-Philosophical and Anthropological Dimensions of Dialogue between Maxim Gorky and Immanuel Kant: A Study of Gorky's Text "The Peasant"

Maria M. Ozhigova ^{1,2}

orcid.org/0000-0002-9631-0446

PhD of Philology,

¹Lecturer,

Department of Literary Theory;

²junior research scientist
ozhigova13.m@gmail.com

¹Lomonosov Moscow
State University
(Moscow, Russia)

²A. M. Gorky Institute
of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00421
"Maxim Gorky in the Circle of Arts"

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме влияния философии Иммануила Канта на творчество Максима Горького. Целью исследования является рассмотрение влияния философии Канта на мировоззрение Горького и формирование его прозы. Материалом исследования является незавершенное произведение Горького «Мужик», создававшееся в 1899 — начале 1900 годов. Доказано, что текст является своеобразным «заочным диалогом» Горького с Кантом, в ходе которого писатель полемизирует с философом о природе человека, общественном устройстве, справедливости и морали. Высказано предположение, что резкие оценки, данные Канту в письмах и в указанном произведении, связаны с общим неприятием Горьким намеренной усложненности и аналитичности кантовского языка и излишне рационалистического подхода философа к истолкованию непостижимого, к осмыслению человека, его места и назначения в мире, законов бытия. Доказывается, что Горький не разделял абсолютного рационализма Канта, а выступал за гармонизацию разумного и чувственного начала в человеке. Показано, что вместе с тем писателю были близки морально-нравственные начала философии Канта. Таким образом, по-новому раскрывается религиозно-философский и антропологический аспекты творчества Горького.

Ключевые слова:

Максим Горький; Иммануил Кант; религиозно-философский диалог; русская литература; немецкая философия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the influence of Immanuel Kant's philosophy on the works of Maxim Gorky. The study aims to explore how Kant's philosophical ideas shaped Gorky's worldview and contributed to the development of his prose. The primary material for this research is Gorky's unfinished work "The Peasant," written between 1899 and the early 1900s. It is demonstrated that the text serves as a unique "epistolary dialogue" between Gorky and Kant, in which the writer engages in a polemic with the philosopher regarding human nature, social organization, justice, and morality. The article posits that Gorky's harsh critiques of Kant, expressed in letters and within the aforementioned text, stem from his general aversion to the deliberate complexity and analytical nature of Kant's language, as well as the philosopher's excessively rationalist approach to interpreting the incomprehensible and understanding humanity's place and purpose in the world, along with the laws of existence. It is argued that Gorky did not share Kant's absolute rationalism but instead advocated for a harmony between reason and emotion in human beings. Furthermore, it is shown that Gorky resonated with the moral and ethical principles of Kantian philosophy. Thus, this study offers a fresh perspective on the religious-philosophical and anthropological aspects of Gorky's oeuvre.

Key words:

Maxim Gorky; Immanuel Kant; religious-philosophical dialogue; Russian literature; German philosophy.

УДК 821.161.1Горький.07+821.112.2Кант.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-305-323

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

5.9.3. Теория литературы

Религиозно-философское и антропологическое измерение диалога М. Горького и И. Канта (на материале текста «Мужик» М. Горького)

© Ожигова М. М., 2024

1. Введение = Introduction

Специфика и стиль прозы Максима Горького формировались во многом под влиянием обширного круга чтения. Особый интерес у писателя вызывали в том числе и труды крупных мировых философов, таких как А. Шопенгауэр, Ф. Ницше и многие другие. Знакомство с философией оставило след и на прозе Горького, что можно увидеть во многих его произведениях. На это обращали внимание еще современники писателя. Так, одним из первых в статье 1898 года на сходство «психологии героев г. Горького» с ницшевской философией обратил внимание Ник. Михайловский [Михайловский, 1997, с. 372]. В то же время «элементы нищезанятия» [Гельрот, 1997, с. 381] в текстах Горького анализировали уже современники М. Горького. Позже новые грани в этом отношении раскрывали такие современные исследователи, как Л. А. Спиридонова, Н. Н. Примочкина и др. [Спиридонова, 2022; Примочкина, 2022 и др.]. Однако, кроме очевидных вышеприведенных отзывов современников и работ современных ученых, особый исследовательский интерес представляют неочевидные влияния, к которым относится особое отношение М. Горького к философии Иммануила Канта. Впрочем, для русской культуры рубежа XIX—XX веков был характерен интерес к школам «...западноевропейского кантианского и неокантианского движения» [Абрамов, 1994, с. 227].

В целом фигура Канта и ее влияние на русскую литературу всегда вызывало немалый исследовательский интерес. Так, А. Н. Кружлов в книге «Кант и кантовская философия в русской художественной литературе» дает попытку систематизации кантовского влияния на отечественных писателей. Работа представляет собой своеобразный справочник, в котором приводятся цитаты из писем и упоминания Канта в некоторых произведениях русских писателей [Кружлов, 2012]. К сожалению, перечень кантов-

ских упоминаний у Горького далеко не полный, впрочем, пособие имеет исключительно справочный характер. Отдельно стоит перечислить некоторых исследователей, занимавшихся проблематикой влияния философии Канта на русскую литературу. Так, Я. Э. Голосовкер анализирует влияние кантовских идей на генезис романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», подчеркивая не только восприятие, но и своеобразный «поединок» [Голосовкер, 1963, с. 3] Достоевского по отношению к мысли Канта. Некоторые исследователи выделяли «культурологические идеи Иммануила Канта в повести М. М. Пришвина «Жень-Шень»» [Трубицына, 2016, с. 72] или, например, давали «сравнительный анализ философии Канта и моральных воззрений Ф. М. Достоевского» [Золотарев, 2018, с. 73].

Однако тема «Кант и Горький», разрабатываемая нами, совершенно новая в горьковедении, в частности, проблематика эстетического диалога раскрывается в статье «Максим Горький и Иммануил Кант: к полемике о природе творчества в «Рассказе об одном романе» (Берлин, 1924 год)» [Ожигова, 2021, с. 199].

При этом важно отметить, что актуализации кантовской темы в прозе М. Горького не единичны, мы можем утверждать, что отношение к самой фигуре И. Канта и его философии отражалось на специфике многих произведений Горького. Нас интересует религиозное и антропологическое измерение своеобразного диалога М. Горького с И. Кантом.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования является неоконченный текст Максима Горького «Мужик», относящийся к раннему периоду его творчества. Целью исследования стало выявление влияния взглядов Иммануила Канта на мировоззрение и прозу Горького. Для этого к исследованию привлечены работы И. Канта «Религия в пределах только разума», «Антропология с практической точки зрения» и «Критика чистого разума». При анализе текста используется сравнительный метод, который позволяет сопоставить религиозно-философскую и антропологическую позицию М. Горького и И. Канта, а также проследить степень влияния идей кёнигсбергского философа на личную и творческую эволюцию Максима Горького. Кроме того, дополнительно привлекаются письма Горького.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Проблематика и творческая история неоконченного текста «Мужик»

Диалог Максима Горького с Иммануилом Кантом начался еще в ранние годы. Уже в горьковских письмах 1900-х годов можно увидеть нега-

тивные оценки философии Канта. В целом упоминания Канта в письмах Горького разных лет были далеко не комплементарными. Так, в одном из писем Горький называет Канта «китайцем из Кенигсберга» [Горький, 2000, с. 264]. Оценки Канта и его философии выступают свидетельством влияния соответствующих философских концепций и на формирование Горького как писателя, и в данном исследовании мы рассмотрим религиозно-философское и антропологическое измерение полемики Горького с философом.

Прежде всего, следует сказать о необычной творческой истории текста «Мужик», работа над которым была начата в конце 1899 — начале 1900 годов. Произведение осталось незаконченным не потому, что Горький сам решил отказаться от замысла или разочаровался в идее. Скорее всего, будущие читатели получили бы завершённую повесть, если бы не курьёзная история. Первые главы печатались в журнале «Жизнь» в 1900 году, и в этом же году Горький читал их в поезде по пути в Севастополь В. С. Мирлюбову и В. А. Поссе. Вот как об этом вспоминает Поссе: «Выходило литературно, но тягуче...<...>... отчасти потому, что “Мужик” Горького врезался в “Воскресение” Толстого» [Поссе, 1929, с. 166]. Реакция слушателей Горькому не понравилась, поэтому он сказал тогда Поссе, что «прочитанное продолжение он уничтожит и “Мужика” писать не будет» [Поссе, 1929, с. 168]. Поссе был уверен, что это «решение окончательное и непоколебимое» [Поссе, 1929, с. 168], однако он ошибался. Впоследствии Горький, читая книгу Поссе, «подчеркнул слова: “Мужика” писать не будет», — и написал на полях: «Не верно» [Горький, 1970, с. 542]. Таким образом, неоконченным «Мужик» остался по совсем другой, курьёзной причине, о которой также упоминает Поссе в своей книге. Он пишет, что через некоторое время узнал, будто бы «Горький прислал продолжение “Мужика”» [Поссе, 1929, с. 168], однако в редакции вскоре выяснилось, что никакого продолжения Горький не присылал, а следующие главы, которые были отправлены в набор, в журнал отправила некая женщина из Курска, которой так понравилось произведение, что она решила опубликовать собственное продолжение. Горький недоумевал, как такое вообще могло произойти, ведь тем более огорчительным это известие было для него, что еще в июне он сообщал К. П. Пятницкому: «Я осел в Мануйловке до октября и буду работать над “Мужиком” и прочими вещами» [Горький, 1997, с. 33]. Из-за сложившейся странной ситуации, Горький не стал продолжать работу над текстом, хотя, очевидно, был раздосадован тем, что «продолжение» «Мужика» решили дописать и опубликовать без его участия.

Как можно увидеть, Горький довольно серьёзно относился к этому произведению, а идеи, заложенные в тексте, в том числе и диалог с Кантом, имеют большое значение для понимания степени влияния филосо-

фии и фигуры Канта на творчество писателя. Вместе с тем «кантовская тематика» будет еще не раз воплощаться Горьким в художественной форме в дальнейшем. Еще одним аргументом в пользу рассмотрения неоконченного текста является то, что Горький «начал свой творческий путь и вошел в большую литературу как автор ярких, оригинальных очерков и рассказов» [Примочкина, 2022, с. 17]. Таким образом, произведение «Мужик», несмотря на его необычную судьбу и незавершенность, представляет собой важную составляющую творческого пути Горького.

Главным героем произведения «Мужик» является Аким Шебуев — архитектор, выбившийся в люди из крестьян, как он сам говорит, прошедший «тяжелый путь» [Горький, 1970, с. 388], испытывавший много «горя, страданий и унижений» [Там же]. После своего приезда в уездный город, Шебуев вызывает в местных кружках большой интерес, а в одном из собраний он становится завсегдатаем.

Горький, вводя Шебуева в кружок учительницы гимназии Варвары Васильевны Любимовой, не только раскрывает психологический портрет своего героя, но и рисует портреты других членов кружка, описывая нравы и перспективы развития общества в целом. Писатель устанавливает своеобразную экспозицию персонажей, которые представляют наиболее типичных на тот момент представителей общества. При этом Горький не воссоздает «картины мещанского быта» [Курылев, 1988, с. 71], а показывает определенный срез общества, как вспоминал Поссе: «русскую интеллигенцию, так сказать, в сословном срезе» [Поссе, 1929, с. 166]. Так, в кружке Любимовой есть и верящая в силу жизни Татьяна Николаевна Ляхова, лишившаяся сына и мужа, есть архиерейский певчий Кирмалов, продавец в книжном магазине Хребтов, санитарный врач Малинин, доктор Кропотов, балагур и богатый наследник Сурков, а также богатейший купец Марк Чечевицын, с которым связана отдельная линия взаимоотношений с Шебуевым. В тексте незримо присутствует даже и сам повествователь, который и дает краткую ретроспекцию судьбы Акима Шебуева. Участники встреч кружка излагают различные точки зрения на проблемы общественного развития, обсуждают место человека в мире, его воспитание и формирование. Кроме того, герои говорят и об устройстве русской действительности, о том, каким должно стать общество в будущем. Таким образом, Горький в целом обращается к довольно известной в русской литературе теме интеллигенции и народа, однако делает это на религиозно-философских основаниях. Вместе с тем религиозно-философское измерение текста выражается в своего рода философском диалоге с И. Кантом, который ведет как главный герой Аким Шебуев, так и, по всей видимости, сам Горький, вкладывая в уста героев определенные реплики.

Собственно, уже первая часть произведения (к слову, работа Горького прервалась на третьей части) содержит оживленный спор о роли интеллигенции, развернувшийся между участниками кружка Любимовой. В разгар спора один из членов кружка обратился к Шебуеву с вопросом, что такое интеллигенция. Шебуев ответил, что «это цвет ржи» [Горький, 1970, с. 368], роль которой в том, чтобы «цвести ныне, и присно, и во веки веков» [Там же, с. 369]. Эта реплика литературного персонажа очевидно отсылает читателей к вступительной части молитв в православном богослужении: *Благословен Бог наш всегда, ныне и присно, и во веки веков!* Как можно видеть, Шебуев, говоря об интеллигенции, использует религиозную символику: интеллигенция — это рожь, то есть в будущем зерно. Здесь уместно вспомнить значение евангельской символики пшеницы, отражающейся, например, в словах Иоанна Крестителя об Иисусе: «Он очистит гумно Свое, и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым» (Мф. 3:12)». Таким образом, Креститель здесь говорит о будущем пришествии Христа, Который отделит пшеницу от соломы [Словарь библейских образов ..., 2005, с. 960]. Иначе говоря, символическая коннотация образа пшеницы (как и ржи) — ‘ценность, нечто ценное’. Так и интеллигенция, по мысли Шебуева, станет живительным субстратом для развития общества. При этом народившийся «хлеб» будет, по мнению Шебуева, есть народ, то есть именно благодаря интеллигенции жизнь простого народа в будущем улучшится. Важно отметить, что весь текст пронизан библейской символикой. Так, уже в другую встречу разговор в кружке заходит о жизни, человеке и развитии. Именно в этот вечер члены кружка узнают о тяжелом прошлом Шебуева, он говорит им о том, как его били «пучком сосновой лучины» [Горький, 1970, с. 388], отправляли кормить свиней, «их было семь; они сидели в темном хлеве, они были огромные, прожорливые и страшно злые от темноты. Они бросались... заслышав запах корма, сбивали... с ног и давили своими тяжелыми тушами» [Там же], при этом Шебуев вспоминает, как падал в грязь хлева и однажды чуть не захлебнулся в ней. В рассказе Шебуева, на наш взгляд, дано аллегорическое представление семи смертных грехов, которые тянут человека в грязь, вниз, стремясь полностью уничтожить его человеческий облик и его самого. В этом смысле герой изображен не только как человек, поднявшийся из бедности, но и как личность, преодолевшая собственные слабости и стремление к греху. Продолжая свой монолог, Шебуев говорит о том, что, несмотря на все трудности и невзгоды, несмотря на то, что он пришел оттуда, где «грязь и тьма, где человек — еще полуживое» [Там же], «жизнь все-таки прекрасна» [Там же]. При этом, по убеждению героя, везде, где есть человек, находится место и светлomu, и по сути, пользу-

ясы библейской символикой, Шебуев констатирует: «...в малых зернах... И зерна не гибнут все: они...дадут плод своей жизни...» [Там же, с. 389]. Можно говорить о своеобразной контаминации двух притч. С одной стороны, можно усматривать аллюзию на притчу Иисуса Христа о горчичном зерне и Царстве небесном. С другой стороны, значение имеет и притча о сеятеле, ведь Шебуев искренне верит, что зерна светлого в человеке обязательно «прорастут», что человек, поднявшись из любых условий, может преобразить жизнь. Выслушав пламенную речь Акима Шебуева, почти все члены собравшегося общества были потрясены, а один из героев санитарный врач Малинин, впечатленный словами архитектора, сравнивает его с пророком, возвещавшим пришествие Мессии: «Прийти оттуда, от... погибающих во мраке людей... взойти на верх жизни и сказать о чувствах, думах, желаниях этих людей... и потрясти сердца до ужаса <...> Ведь для этого нужно иметь язык пророка Исаяи...» [Там же, с. 393]. Горький изображает Шебуева как одного из первых представителей людей, преодолевших социальное неравенство, пробившихся наверх и готовых реально менять жизнь. Он в некотором смысле противопоставлен всем кружкам, где ведутся разговоры о возможном переустройстве жизни, однако эти разговоры ровно ничего не могут изменить. Шебуев прежде всего человек дела. В этом смысле символично даже имя главного героя Аким, являющееся производным от имени Иоаким, что означает «Ставленник Божий», а профессия архитектора отсылает к образу Бога как великого архитектора (Фома Аквинский, Ж. Кальвин и проч). Таким образом, главный герой задуман как персонаж, имеющий ресурс для преобразования жизни людей. При этом важно, что, появившись в городе, Шебуев действительно начинает менять тусклую и беспробудную жизнь горожан к лучшему. Так, он заводит дружбу с богатейшим купцом края Марком Чечевицыным (отсылка к ветхозаветному образу «чечевичной похлебки», за которую Исаиас продал свое первородство, возможно, содержащего намек на важность купеческого сословия, не так много, однако, делающего для общего блага). Благодаря дару убеждения Шебуева, жадный купец «решил выстроить в городе “народный дом”» [Горький, 1970, с. 398], в котором предполагалась чайная, столовая, «помещение для ночлега на триста человек» [Там же, с. 398] и даже ясли. При этом сам Шебуев в разговоре признается, что «рассчитывал на большее» [Там же, с. 399]: еще «нужен театр, библиотека и читальня» [Там же]. В то же время взаимоотношения Шебуева с Чечевицыным показывают и двойственность образа главного героя. С одной стороны, он обладает огромной волей к жизни и даже способен действительно что-то улучшить в той среде, где находится. С другой стороны, имея большой запас физических и духовных сил, веря в лучшее в человеке, Шебуев уверен,

что сила, которая поможет ему преобразить мир, заключается в деньгах. Это становится очевидно в сцене в трактире, где он в беседе с врачом Малининым рассказывает о том, что в этот раз не очень удачно попросил денег у Чечевицына, признается, что купец ему «не даст денег, старый чёрт!» [Там же, с. 411]. В этом же трактире к беседе присоединяется другой герой Нагрешин (опять говорящая фамилия), который искренно верит, что «миллион может переродить человека» [Там же, с. 419], и утверждает, что если ему дать миллион, то он полюбит людей и даже будет помогать им. Тут же Нагрешин тонко намекает Шебуеву, что в городке есть богатая невеста Надя Лаптева. Из высказываний Шебуева после ухода Нагрешина становится ясно, что он не разделяет позицию своего собеседника, однако признается, что в чем-то она ему и близка. Таким образом, деятельность главного героя становится двойственной: с одной стороны, ему уже удаётся привнести что-то хорошее в жизнь людей, однако действует он с опорой на деньги, в условиях той среды, где находится. Иначе говоря, неясно, насколько в действительности Шебуев способен изменить мир, ведь, по сути, он по-прежнему подчинен условиям действительности. Именно это видят и члены кружка, понимая, что архитектор, вроде бы добывая ресурсы для улучшения жизни людей, все больше погрязает в погоне за выгодой.

Как видно, текст представляет собой не только попытку осмыслить злободневную тогда проблему интеллигенции и народа, основной его темой является как раз религиозно-философское и антропологическое измерение жизни человека. Примечательно, что рассуждения архитектора о том, что жизнь прекрасна, как и его воспоминания о прошлом, подготавливаются едва ли не самым длинным из всех монологов Шебуева, посвященным Иммануилу Канту. Текст построен на своеобразном диалоге с Кантом, при этом в «Мужике» восприятие кантовской мысли преломляется в религиозном и антропологическом ключе.

3.2. Религиозно-философское и антропологическое измерение диалога М. Горького с И. Кантом в неоконченной повести «Мужик»

Важно отметить, что в повести «Мужик» еще нет полемики с Кантом, которая оформится в поздних текстах Горького, например, острое несогласие в отношении трактовки природы творчества [Ожигова, 2021, с. 203]. В данной статье мы хотим сконцентрироваться исключительно на взаимодействии Горького с кантовской мыслью по религиозному и антропологическому направлениям. Так, вся вышеперечисленная религиозная символика, весь пафос текста связаны с уточнением понимания человека, путей его развития, того, каким образом должно меняться общественное устройство. Говоря об этом, участники кружка Любимовой заводят разговор о соотношении рационального и чувственного в жизни человека. Шебуев ут-

верждает, что «непомерно развитый интеллект всегда ослабляет непосредственное чувство» [Горький, 1970, с. 380]. Один из героев доктор Крупов в ответ на это высказывание обращается к Шебуеву с вопросом: «А если этот рост интеллекта создаст из человека Канта, — что вы скажете?» [Там же]. На этот вопрос архитектор даст развернутый ответ, предварив этим весь дальнейший разговор о жизни, морали и человеке. В своем монологе Аким Шебуев рассуждает о том, каким должен быть человек будущего. Противопоставляя всесторонне развитого человека человеку, развитому лишь умственно, он говорит следующее: «Кант был очень жалкий и уродливый человек, ибо он не знал ничего в жизни, кроме своей философии. Но все-таки он — Кант, и пускай он жалок, пускай он только жертва нам, нашему стремлению познать тайны бытия... Пускай он всю жизнь думал и, быть может, никогда не чувствовал, что он живет. Его несчастье полезно для нас, оно — наша гордость и слава. И, разумеется, для общей пользы жизни нужны такие люди, что не мешает мне считать их уродами. <...> Таких... мудрецов я не сочту людьми: не могу! Я буду изумляться силе их мысли и даже преклонюсь пред этой силой, но односторонне развитый человек — не идеал человека. Канты и Спинозы — только огромные головы, Бетховены — только изумительно развитые уши и пальцы. А жизнь хочет гармоничного человека, человека, в котором интеллект и инстинкт сливались бы в стройное целое. Нужен человек, все способности которого были бы приведены в строй равномерный и, одна другую оттеняя, всегда, все и всегда, гармонически откликались бы на каждое впечатление бытия. Нужен человек не только умный, но и добрый, не только всё понимающий, но и всё чувствующий» [Там же, с. 306]. Заметим, что на самом деле высказанное Акимом Шебуевым мнение (соотносится ли оно с позицией самого Горького, мы рассмотрим далее) не противоречит взгляду Иммануила Канта на развитие человека: философ также считал, что человека необходимо развивать и воспитывать разносторонним. Вместе с тем Горький через своего героя Акима Шебуева протестует против переразвитости одного единственного качества, будь то интеллект, музыкальные способности или что-либо другое. По сути, Шебуев рисует некий недостижимый идеал: человека, который развит всесторонне настолько, что способен достигать успеха в разных сферах человеческой деятельности. Он считает пороком «гиперразвитость» одного качества, даже если оно определяет гениальность натуры. По мнению Шебуева, в этом случае человек ущемлен в чем-то другом. Однако вызывает удивление даже не сама мысль, высказанная героем, а вся вложенная в нее эмоциональность. За этим высказыванием видится уже не случайная реплика, брошенная в салоне, а нечто, напоминающее манифест, идейную позицию. В фокусе вни-

мания оказывается антропологический аспект — взгляды на соотношение разума и чувства.

Философия Канта пронизана стремлением понять природу фундаментальных категорий мироздания, осмыслить их детально. Сложность языкового выражения идей (конечно, во многом дань своему времени и влиянию Вольфа и Баумгартена) обусловлена задачей расщепить, кажется, неделимые вечные и непостижимые понятия. На страницах своих книг Кант излагает свои мысли о бытии, Боге, смерти, препарируя их, — как раз о тех вещах, которые для Горького не подлежат обсуждению на публике. И эта писательская установка предопределила выступление не против философии как таковой, а скорее против метаязыка философии и вообще любого «сложного» языка абстракций, применяемого для обсуждения вечных и непознаваемых категорий. Косвенное объяснение эстетической позиции Горького можно обнаружить в его воспоминаниях, например, об Александре Блоке, где он говорит о том, что не может описывать свои эмоции, свои переживания: «Говорить о себе — тонкое искусство, я не обладаю им» [Горький, 1973, с. 224]. Однако это не означает, что Горький вообще не способен к передаче психологических состояний. Данная позиция имеет под собой более глубокое основание. Для Горького все вопросы, являющиеся предметом философии, относятся к личным, не предназначенным для обсуждения с посторонними людьми: «...вопросы о смысле бытия, о смерти, о любви — вопросы строго личные, интимные, вопросы только для меня. Я не люблю выносить их на улицу, а если, изредка, невольно делаю это — всегда неумело, неуклюже» [Там же]. Становится понятным, почему Горький наделяет своего героя Акима Шебуева таким отношением к фигуре Иммануила Канта, вкладывает в уста героя резкие оценочные высказывания. При этом, конечно, очевидно, что Горький расходится со своим персонажем в оценке Канта как человека и отдает дань его гениальности. Но в соотношении личного мнения Горького и слов его героя можно увидеть некое внутреннее несогласие, своеобразный протест Горького не против Канта (или по крайней мере, не против большинства положений его философии), но против самого языка его философии, самого способа изложения тем, связанных с вопросами смерти, жизни и Бога, изощренного интеллектуализма, претендующего (по мнению главного героя Горького) на познание всех процессов и законов мироздания. Эта мысль находит подтверждение в письмах Горького. Так, в письме А. К. Виноградову в 1931 году он пишет о «кантовом убеждении в бессилии интеллекта преобразовать мир» [Горький, 2019, с. 14]. Можно сказать, что Аким Шебуев гиперболизирует внутреннюю человеческую и эстетическую позицию Горького. Здесь важно отметить, что для Горького две эти позиции пере-

секались и тесно взаимодействовали на протяжении всего его творческого пути, и откровения Горького в воспоминаниях или высказывания его героя Акима Шебеува не являются случайными.

Однако важно пояснить, что имел в виду Горький, говоря о бессилии интеллекта. Безусловно, он не мог отрицать достижения прогресса, открытия, совершаемые с помощью разума. Речь здесь именно о противопоставлении рационального чувственному (опытному) началу. Эстетическая установка Горького заключалась в трансмутации чувственного, опытного знания в художественный текст. Это подтверждает и автобиографичность очень многих произведений Горького, являющаяся важнейшей характеристикой его прозы. Конечно, у многих писателей присутствует элемент автобиографичности, образы многих героев и событий берутся из жизни. Однако проза Горького автобиографичностью своей часто граничит с очерком, так как образы во многих его рассказах — это слепки с реальных людей, которых он мог наблюдать и в период своего трудного детства, и во время своего хождения по Руси. Ведь даже текст «Мужик» имеет подзаголовок «очерки». «Антропологическая» позиция Горького заключается в том, что человек является венцом творения и что лучшим способом познания жизни и себя служит опыт. В этом смысле Горький через своего героя действительно полемизирует с Кантом, ведь вся аналитичность его философии, стремление с помощью разума познать границы бытия и сознания неспособны, по Горькому, приблизить к пониманию человека и его назначения. При взгляде с этого ракурса становится понятно, что главный герой рассматриваемого произведения словно бросает вызов Канту не только словом, но и делом: пытается перейти от разговоров, свойственных интеллигенции, к реальному делу.

Таким образом, своеобразная полемика с Кантом здесь идет по двум направлениям. С одной стороны, неприятие писателя вызывает метаязыковой уровень суждений Канта: Горькому был не близок сам стиль изложения в работах Канта. С другой стороны, налицо расхождение Горького и Канта в антропологическом ключе: писатель возражает, как он считал, намерению философа «отделить» человека от мира. В 1908 году, находясь на Капри («Мужик» создавался в 1900-х), в одном из писем А. А. Богданову Горький напишет: «... “китаец из Кенигсберга” был человеком, который завершил философское обоснование индивидуализма и тем окончательно отрезал человека от мира» [Горький, 1997, с. 264]. А в 1927 году Горький еще более прямо сформулирует свою позицию: «Канта — не люблю, и это именно он помещает человека вне “земли и неба”, а я — геоцентрист, антропоцентрист и антропоморфист» [Горький, 2013, с. 250]. Так, видно, что отразившаяся в «Мужике» позиция Горького, верившего, что человек «...

преодолея природу собственными усилиями...» [Агурский, 1991, с. 64], сохранилась и в период жизни в Италии, и во время длительной эмиграции, уже во второй половине 20-х годов.

Горький, конечно, обвиняет Канта в отделении человека от мира, ориентируясь на собственное понимание кантовской философии, ведь то, что сам философ оценивал в своей работе как «коперниканский переворот», и было сдвигом фокуса внимания с общих метафизических понятий и попыток познания мира собственно на человека, его способы познания и мышления: «...опыт сам есть вид познания, требующий [участия] рассудка, правила которого я должен предполагать в себе еще до того, как мне даны предметы, стало быть, а priori; <...> мы а priori познаем о вещах лишь то, что вложено в них нами самими» [Кант, 1994, с. 24]. Подробнее проблематика «коперниканского переворота» Канта рассматривается в работах ряда исследователей [Михайлов, 2018, с. 300—306; Шульц, 2010; Асмус, 2005]. Однако Горький рассматривал философию, искусство и науку неотрывно от социальных процессов. Таким образом, и сам кантовский переворот в мышлении Горький оценивал с позиции его значимости для социального развития человека, а в этом смысле кантовское представление о человеке, по Горькому, оставляет людей наедине с чистым разумом; оперируя его категориями, они имеют только слабую надежду познать лишь малую часть мироздания.

С другой стороны, в произведении «Мужик» Горький не только спорит с Кантом, но и в чем-то сближается с ним, что подчеркивает важность кантовской темы в тексте. Как уже говорилось выше, текст содержит в себе немало элементов библейской символики. Вопросы веры и религии Горьким здесь не поднимаются (хотя мы не знаем, не было ли этого аспекта в замысле), однако затрагиваются важные темы справедливости, социального переустройства, жизни и человеческой природы — все те же вопросы, на решение которых был направлен и ум Канта. Как пишет философ в работе «Антропология с прагматической точки зрения», «человек предназначен своим разумом к тому, чтобы пребывать в обществе людей и совершенствоваться в нем с помощью искусства и наук свою культуру, цивилизованность и моральность, и как бы велика ни была его животная склонность пассивно предаваться покою и благополучию, которые он называет счастьем, ему надлежит, ведя деятельную борьбу с препятствиями, связанными с грубостью его природы, стать достойным человечества» [Кант, 1994, с. 366]. Как можно увидеть у Горького, именно к этому и стремится Аким Шебуев, поднявшийся, как он признается, «из низов», преодолевший грубость природы и ставший достойным членом общества. При этом Шебуев, констатируя, что «жизнь — все-таки прекрасна» [Горький, 1970,

с. 388], говорит о том, что в жизни есть «грязь и тьма, где человек — еще полузверь, где вся жизнь — только труд ради хлеба.», но и «там есть любовь, и там красота — всюду, где есть человек, есть и хорошее» [Там же, с. 389]. В этом смысле Горький, вкладывая уста своего героя эти слова, солидаризируется с Кантом. Ведь философ в работе «Религия в пределах только разума», рассуждая о природе человека, говорил, что «человек по природе зол» [Кант, 1994, с. 32], имея в виду изначальную склонность ко злу, которую «мы можем называть изначальным, прирожденным злом в человеческой природе» [Там же, с. 33]. Здесь видно, что в религиозно-философском аспекте Горький как будто согласен с Кантом: человек склонен ко злу и может ошибаться, однако задача человечества в том, чтобы противостоять негативным сторонам и преобразовывать не только себя, но и все вокруг. Другой вопрос заключается в том, как созидать, имея склонность ко злу, ведь «общеизвестна кантовская метафора о “кривом дереве”, из которого сделан человек...» [Кумпф, 2007, с. 327]. Для Канта в этом смысле важен непостижимый моральный закон, имеющийся внутри человека. Моральный императив не зависит от личной склонности, выгоды или удовольствия, а непосредственно связан с категорией долга. В свою очередь, «представление о личности как самоцели неотделимо в этике Канта от идеи долга. Связь эта делает в глазах Канта совершенно неприемлемой эпикурейскую этику наслаждения» [Асмус, 2005, с. 285]. Однако главный герой Шебуев констатирует: «Жизнь — этот прекрасный процесс созидания идей, накопления красоты и мудрости, неустанного творчества новых форм, процесс таинственный, глубоко интересный и радостный...» [Горький, 1970, с. 383]. Как видно из этой манифестной фразы, для Шебуева процесс жизнетворчества и саморазвития связан с радостью и должен приносить как эстетическое, так и чувственное удовольствие, о чем герой и говорит далее: «Любовь к идеалу — чувство деятельное и страстно склонное к жертве... Даже женщин, любить которых нас так упорно заставляет инстинкт, — мы и женщин не любим. Нечем! Нет чувства! <...> Чувство наше покрылось книжной пылью <...> Личный опыт каждого из нас поразительно ничтожен» [Там же]. Эта позиция находится в явном противоречии с этикой Канта, согласно которой «там, где речь о долге, недопустимо рассматривать наслаждение жизнью как движущую силу поведения или даже как малейшую часть этой силы...» [Асмус, 2005, с. 285], а счастье не является высшей целью «нашего морального действия» [Клемме, 2007, с. 227].

Вместе с тем Горький, споря с Кантом, прекрасно понимает и сложность позиции своего героя, стремящегося соединить в гармонии рациональное и чувственное начало. Однако окончательного ответа, удастся

ли герою добиться успеха, писатель не дает (возможно, потому, что текст остался незавершенным). Аким Шебуев, пытаясь улучшить жизнь людей, руководствуется двоякими принципами, за что и сам себя осуждает. Этим объясняется обилие религиозной символики, присутствующей в тексте, ведь «“золотое правило” морально правильного действия... сохранило центральное значение также в христианской и исламской традициях...» [Фегер, 2007, с. 234]. А если применить кантовскую философию, то поведение Шебуева в отношении купца Чечевицына оказывается ошибочным, даже если архитектору и удастся заставить Чечевицына выделить деньги на нужды города. Конечно же, Горький не стремится показать идеального человека. В образе Шебуева представлен персонаж с моральным законом внутри, который подсказывает ему, что он достигает целей (общественного благополучия) негодными средствами. Кант, в свою очередь, предполагает, что в теории при развитии общества моральный закон возьмет верх и человек научится преодолевать свою «злую» природу. Горький же задает вопросы и сознательно рисует человека, стремящегося преобразовать жизнь, однако на практике, при столкновении с опытом, с реальностью становится ясно, что изменить жизнь, как и преодолеть свои «злые» наклонности, оказывается гораздо сложнее, чем это выглядит в теории. Отсюда и явный вызов, брошенный Канту в тексте, ведь «Горький попытался искать ответы в книгах, не только в философских, но и в социально-политических» [Спиридонова, 2022, с. 48]. Вместе с тем с позиции Горького философствования Канта о достижении человеком справедливости, развитии общества выглядят как сложные построения, далекие от жизни и соблазнов, с которыми приходится сталкиваться человеку.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, при рассмотрении текста Горького «Мужик» выявляются новый ракурс и истоки своеобразного диалога, который писатель заочно вел с философом Иммануилом Кантом. Важно отметить, что кантовская тема возникает у Горького еще в ранних письмах, продолжается уже в поздний период и трансформируется в художественные произведения в виде своеобразных диалогов, иногда полемических, как, например, в более позднем тексте немецкого периода «Рассказ об одном романе».

В статье было рассмотрено религиозно-философское и антропологическое измерение диалога, развернувшегося на страницах произведения Горького «Мужик». Показано, что неприятие кантовской философии, не раз высказываемое Горьким в письмах, было связано в том числе и с мировоззренческими вопросами. Так, Горькому было совершенно не близко кантовское разграничение рационального и чувственного в пользу раци-

онального начала. Это манифестом звучит в словах главного героя Акима Шебуева, который говорит о необходимости гармонизации чувственного и рационального в человеке. При этом если для Канта важна этика долга, где нет места гедонизму, то для Шебуева деятельность на благо общества тесно переплетается со всеми радостями жизни, а «аскетизм — тоже уродство и болезнь» [Горький, 1970, с. 421]. Вместе с тем Горький в чем-то соглашается с Кантом, так, например, ему близка идея всесторонне гармонично развитого человека, которую провозглашает его герой и которая хорошо соотносится с близкой Канту концепцией *Bildung* («... образовывания человека как активного, действующего существа...» [Быкова, 2007, с. 300]. Более того, несмотря то, что текст относится к раннему периоду творчества Горького, в нем присутствует немало элементов библейской символики, что указывает на сближение в области религиозных вопросов, справедливости и морали. В религиозно-философском отношении многие положения кантовской философии близки Горькому, и можно предположить, что такие резкие оценки, данные Канту в письмах, связаны с общим неприятием Горьким намеренной усложненности и аналитичности кантовского языка и излишне рационалистического подхода философа к истолкованию непостижимого, к осмыслению человека, его места и назначения в мире, законов бытия. Ведь те вещи, о которых Кант пытается рассуждать в категориях «чистого разума», по Горькому, относятся в сфере очень личного и трудновыразимого. Таким образом, при рассмотрении произведения «Мужик» раскрывается еще одна грань религиозно-философского и антропологического аспекта творчества Горького.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Горький М. Полное собрание сочинений : в 24 т. / М. Горький. — Москва : Наука, 1997. — Т. 2. — 480 с. — ISBN 5-02-011192-9.
2. Горький М. Полное собрание сочинений : в 24 т. / М. Горький. — Москва : Наука, 2000. — Т. 6. — 623 с. — ISBN 5-02-011192-9.
3. Горький М. Полное собрание сочинений : в 24 т. / М. Горький. — Москва : Наука, 2013. — Т. 16. — 981 с. — ISBN 5-02-011192-9.
4. Горький М. Полное собрание сочинений : в 24 т. / М. Горький. — Москва : Наука, 2019. — Т. 21. — 1014 с. — ISBN 5-02-011192-9.
5. Горький М. Полное собрание сочинений : в 25 т. / М. Горький. — Москва : Наука, 1970. — Т. 5. — 567 с.
6. Горький М. Полное собрание сочинений : в 25 т. / М. Горький. — Москва : Наука, 1973. — Т. 17. — 631 с.

7. *Кант И.* Собрание сочинений : в 8 т. / И. Кант. — Москва : Чоро, 1994. — Т. 3. — 741 с. — ISBN 5-8497-0003-X.
8. *Кант И.* Собрание сочинений : в 8 т. / И. Кант. — Москва : Чоро, 1994. — Т. 6. — 613 с. — ISBN 5-8497-0006-4.
9. *Кант И.* Собрание сочинений : в 8 т. / И. Кант. — Москва : Чоро, 1994. — Т. 7. — 495 с. — ISBN 5-8497-0007-2.
10. *Словарь библейских образов* / под ред. Л. Райкена, Д. Уилхойта, Т. Лонгмана. — Санкт-Петербург : Библия для всех, 2005. — 1423 с. — ISBN 0-8308-1451-5.

Литература

1. *Абрамов А. И.* О русском кантианстве и неокантианстве в журнале «Логос» / А. И. Абрамов // Кант и философия в России. — Москва : Наука, 1994. — С. 227—247.
2. *Агурский М. С.* Великий еретик (Горький как религиозный мыслитель) / М. С. Агурский // Вопросы философии. — 1991. — № 8. — С. 54—74.
3. *Асмус В. Ф.* Иммануил Кант / В. Ф. Асмус. — Москва : Высшая школа, 2005. — 439 с. — ISBN 5-06-004516.
4. *Быкова М. Ф.* Кант и концепция Bildung / М. Ф. Быкова // Иммануил Кант : наследие и проект. — Москва : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. — С. 291—310. — ISBN 978-5-88373-192-0.
5. *Гельрот М. В.* Ницше и Горький (Элементы нищезнания в творчестве Горького) / М. В. Гельрот // Максим Горький : pro et contra. — Санкт-Петербург : РХГИ, 1997. — С. 381—429. — ISBN 5-88812-014-6.
6. *Голосовкер Я. Э.* Достоевский и Кант : Размышление читателя над романом «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума» / Я. Э. Голосовкер. — Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1963. — 103 с.
7. *Золотарев А. В.* Идеи кантовской моральной философии в творчестве Ф. М. Достоевского / А. В. Золотарев // Соловьевские исследования. — 2018. — Выпуск 4 (60). — С. 73—89.
8. *Клемме Х. Ф.* Форма добра / Х. Ф. Клемме // Иммануил Кант : наследие и проект. — Москва : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. — С. 221—233. — ISBN 978-5-88373-192-0.
9. *Круглов А. Н.* Кант и кантовская философия в русской художественной литературе / А. Н. Круглов. — Москва : Канон+, 2010. — 479 с. — ISBN 978-5-88373-272-9.
10. *Кумпф Ф.* Понятие разума у Канта и его видение перманентного Просвещения / Ф. Кумпф // Иммануил Кант : наследие и проект. — Москва : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. — С. 321—329. — ISBN 978-5-88373-192-0.
11. *Курылев Ю. И.* Философско-этические воззрения А. М. Горького / Ю. И. Курылев. — Саратов : Изд-во Сарат. Ун-та, 1988. — 152 с.
12. *Михайлов К. А.* Теоретическая философия Иммануила Канта и современная логика: Опыт нового прочтения «Критики чистого разума» / К. А. Михайлов. — Москва : ЛЕНАНД, 2018. — 352 с. — ISBN 978-5-9710-4710-0.
13. *Михайловский Н. К.* О г. Максиме Горьком и его героях / Н. К. Михайловский // Максим Горький: pro et contra. — Санкт-Петербург : РХГИ, 1997. — С. 325—380. — ISBN 5-88812-014-6.
14. *Ожигова М. М.* Максим Горький и Иммануил Кант : к полемике о природе творчества в «Рассказе об одном романе» (Берлин, 1924 г.) / М. М. Ожигова // Новый филологический вестник. — 2021. — № 2 (61). — С. 198—207. — DOI: 10.54770/20729316-2022-2-198.

15. *Поссе В. А.* Мой жизненный путь / В. А. Поссе. — Москва, Ленинград : Земля и Фабрика, 1929. — 548 с.

16. *Примочкина Н. Н.* Поэтика эксперимента : творчество М. Горького начала 1920-х гг / Н. Н. Примочкина. — Москва : Директ-Медиа, 2022. — 320 с. — ISBN 978-5-4499-2813-9.

17. *Спиридонова Л. А.* М. Горький — мыслитель, художник, человек / Л. А. Спиридонова. — Москва : ИМЛИ РАН, 2022. — 432 с. — ISBN 978-5-9208-0697-0.

18. *Трубицына Н. А.* Культурологические идеи Иммануила Канта в повести М. М. Пришвина «Жень-Шень» / Н. А. Трубицына // Сибирский филологический журнал. — 2016. — № 1. — С. 72—76.

19. *Фегер Г.* Как категорический императив обретает свое применение? / Г. Фегер // Иммануил Кант : наследие и проект. — Москва : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. — С. 234—249. — ISBN 978-5-88373-192-0.

20. *Шульц И.* Разъясняющее изложение «Критики чистого разума» / И. Шульц. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2010. — 152 с. — ISBN 978-5-397-01495-3.

*Статья поступила в редакцию 16.07.2024,
одобрена после рецензирования 29.09.2024,
подготовлена к публикации 07.10.2024.*

Material resources

Gorky, M. (2000). *Complete works: in 24 volumes*, 6. Moscow: Nauka. 623 p. ISBN 5-02-011192-9. (In Russ.).

Gorky, M. (2013). *Complete works: in 24 volumes*, 16. Moscow: Nauka. 981 p. ISBN 5-02-011192-9. (In Russ.).

Gorky, M. (2019). *Complete works: in 24 volumes*, 21. Moscow: Nauka. 1014 p. ISBN 5-02-011192-9. (In Russ.).

Gorky, M. (1970). *The complete works: in 25 volumes*, 5. Moscow: Nauka. 567 p. (In Russ.).

Gorky, M. (1997). *The complete works: in 24 volumes*, 2. Moscow: Nauka. 480 p. ISBN 5-02-011192-9. (In Russ.).

Gorky, M. (1973). *The complete works: in 25 volumes*, 17. Moscow: Nauka. 631 p. (In Russ.).

Kant, I. (1994). *Collected works: in 8 volumes*, 6. Moscow: Choro. 613 p. ISBN 5-8497-0006-4. (In Russ.).

Kant, I. (1994). *Collected works: in 8 volumes*, 7. Moscow: Choro. 495 p. ISBN 5-8497-0007-2. (In Russ.).

Kant, I. (1994). *Collected works: in 8 volumes*, 3. Moscow: Choro. 741 p. ISBN 5-8497-0003-X. (In Russ.).

Ryken, L., Wilhoit, D., Longman, T. (eds.). (2005). *Dictionary of Biblical Images*. St. Petersburg: The Bible for All. 1423 p. ISBN 0-8308-1451-5. (In Russ.).

References

Abramov, A. I. (1994). On Russian Kantianism and neo-Kantianism in the journal Logos. In: *Kant and Philosophy in Russia*. Moscow: Nauka. 227—247. (In Russ.).

Agursky, M. S. (1991). The Great heretic (Gorky as a religious thinker). *Questions of philosophy*, 8: 54—74. (In Russ.).

Asmus, V. F. (2005). *Immanuel Kant*. Moscow: Higher School. 439 p. ISBN 5-06-004516. (In Russ.).

- Bykova, M. F. (2007). Kant and the concept of Bildung. In: *Immanuel Kant: heritage and project*. Moscow: "Canon+" ROOI "Rehabilitation". 291—310. ISBN 978-5-88373-192-0. (In Russ.).
- Feger, G. (2007). How does the categorical imperative find its application? In: *Immanuel Kant: legacy and project*. Moscow: "Canon+" ROOI "Rehabilitation". 234—249. ISBN 978-5-88373-192-0. (In Russ.).
- Gelrot, M. V. (1997). Nietzsche and Gorky (Elements of Nietzscheanism in Gorky's work). In: *Maxim Gorky: pro et contra*. St. Petersburg: RHGI. 381—429. ISBN 5-88812-014-6. (In Russ.).
- Golosovker, Ya. E. (1963). *Dostoevsky and Kant: The reader's reflection on the novel "The Brothers Karamazov" and Kant's treatise "Criticism of Pure Reason"*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 103 p. (In Russ.).
- Klemme, H. F. (2007). The form of goodness. In: *Immanuel Kant: legacy and project*. Moscow: "Canon+" ROOI "Rehabilitation". 221—233. ISBN 978-5-88373-192-0. (In Russ.).
- Kruglov, A. N. (2010). *Kant and Kantian philosophy in Russian fiction*. Moscow: Kanon+. 479 p. ISBN 978-5-88373-272-9. (In Russ.).
- Kumpf, F. (2007). Kant's concept of reason and his vision of permanent Enlightenment. In: *Immanuel Kant: legacy and project*. Moscow: "Canon+" ROOI "Rehabilitation". 321—329. ISBN 978-5-88373-192-0. (In Russ.).
- Kurylev, Yu. I. (1988). *Philosophical and ethical views of A. M. Gorky*. Saratov: Sarat Publishing House. Unita. 152 p. (In Russ.).
- Mikhailov, K. A. (2018). *The theoretical philosophy of Immanuel Kant and modern logic: The experience of a new reading of the Critique of Pure Reason*. Moscow: LENAND. 352 p. ISBN 978-5-9710-4710-0. (In Russ.).
- Mikhailovsky, N. K. (1997). About Maxim Gorky and his heroes. In: *Maxim Gorky: pro et contra*. St. Petersburg: RHGI. 325—380. ISBN 5-88812-014-6. (In Russ.).
- Ozhigova, M. M. (2021). Maxim Gorky and Immanuel Kant: towards a polemic about the nature of creativity in the "Story of a Novel" (Berlin, 1924). *New Philological Bulletin*, 2 (61): 198—207. DOI: 10.54770/20729316-2022-2-198. (In Russ.).
- Posse, V. A. (1929). *My life path*. Moscow, Leningrad: Land and Factory. 548 p. (In Russ.).
- Primochkina, N. N. (2022). *The poetics of experiment: the work of M. Gorky in the early 1920s*. Moscow: Direct Media. 320 p. ISBN 978-5-4499-2813-9. (In Russ.).
- Schultz, I. (2010). *Explanatory exposition of the "Critique of pure reason"*. Moscow: LIBRO-COM. 152 p. ISBN 978-5-397-01495-3. (In Russ.).
- Spiridonova, L. A. (2022). *M. Gorky — thinker, artist, man*. Moscow: IMLI RAS. 432 p. ISBN 978-5-9208-0697-0. (In Russ.).
- Trubitsyna, N. A. (2016). Cultural ideas of Immanuel Kant in the novel by M. M. Prishvin "Zhen-Shen". *Siberian Philological Journal*, 1: 72—76. (In Russ.).
- Zolotarev, A. V. (2018). The ideas of Kant's moral philosophy in the works of F. M. Dostoevsky. *Solovyov studies*, 4 (60): 73—89. (In Russ.).

*The article was submitted 16.07.2024;
approved after reviewing 29.09.2024;
accepted for publication 07.10.2024.*